

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки.

К социологии политического перехода

Наблюдаемый на протяжении ряда месяцев затяжной переход от "ельцинского" президентства к "путинскому" представляет собой довольно сложный и противоречивый социально-политический процесс, затрагивающий различные сферы, слои, механизмы общественной жизни. Сама сложность такого перехода может считаться некоей отечественной традицией: персонализация верховной власти при неразвитости формальных политических институтов в России неизменно, в течение нескольких столетий, приводила к тому, что смена первых лиц означала смену политических эпох, стилей и механизмов господства, состава и роли определенных групп влияния и т.д.; наиболее драматическими такие переходы были в XVIII–XX вв. В XX в. ни один из российских и советских правителей не ушел в "положенный" срок, при гарантированных условиях преемственности. Каждый властный переход означал более или менее глубокую *трансформацию* властных механизмов.

В этом ряду происходящий переход может, видимо, считаться наиболее длительным (формально с августа 1999 г. по май 2000 г. — почти что пресловутые девять месяцев; на деле, видимо, гораздо дольше) и как будто лишенным внутривластной напряженности. Очевидно при этом, что соблюдение конституционных рамок и видимая бесконфликтность, даже фактическое отсутствие конкуренции, обеспечены смещением решающих политических и программных дилемм в сферы неформальных меж- и внутригрупповых отношений в коридорах или подземельях власти (отсюда, разумеется, и затяжной характер реальной передачи власти, далеко выходящий за формальные рамки — как в начале, так и в конце). И столь же очевидно, что внешне мирный процесс смены "караула" в Кремле гарантирован и стимулирован военными операциями на Северном Кавказе. Да и тревожная неопределенность принципиального политического курса верховной власти на протяжении всех "переходных" месяцев показывает, сколь неустойчивыми и расплывчатыми оказались сами рамки социально допустимых действий, предусмотренных конституционными статьями и традициями постсоветских лет. (Впрочем, длительность перехода скорее свидетельствует об отсутствии политических и волевых ресурсов для кардинальных поворотов курса.)

Политические рамки, как и соответствующие им варианты происходящих трансформаций, довольно широко обсуждаются в последние месяцы — радикализация или сворачивание рыночных реформ, сохранение или ограничение демократических свобод, гласности, связей с Западом и т.д. Заметно реже анализируются интересующие нас в данном случае возможные направления трансформации социальных механизмов (прежде всего механизмов массовой поддержки, доверия и недоверия, адаптации и сопротивления и т.п.), входящих в поле зрения исследования общественного мнения.

Властный переход 1999–2000 гг. стал трудным испытанием для всей хрупкой институциональной системы, складывавшейся в России после 1991 г., в том числе и испытанием на прочность демократических тенденций общественного мнения.

Следует заметить, что в ранее происходивших процессах передачи властных полномочий в нашей стране никог-

да не наблюдался такой интерес к общественному мнению со стороны официальных и неофициальных структур, причем не столько даже к соответствующим исследованиям, сколько к направленному воздействию с целью формирования (или разрушения) определенных его тенденций. В этом отношении ситуация, сложившаяся во время прошлого избирательного цикла 1995–1996 гг., сейчас представляется слабым аналогом или подготовительным вариантом. Тогда согласованные действия на всех телеканалах вынудили разочарованных сторонников реформ в последний раз поддержать Б.Ельцина как символ противостояния коммунистическому реваншу. Публикация данных регулярных опросов общественного мнения, которые показывали динамику рейтингов кандидатов в президенты, сыграла в этом некоторую роль. Но тогда речь все же шла всего лишь о частичном возвращении былой поддержки Б.Ельцина. Шумная критика в адрес компартии на деле исполняла функцию драматизации обстановки и почти не затронула собственный электорат этой партии.

Сушебно иной характер имели процессы в общественном мнении и вокруг него в 1999 г. (к началу 2000 г. все здесь было сделано, и последующие месяцы ничего нового уже не привнесли). Все четыре взаимосвязанных направления трансформации общественных настроений и симпатий — формирование поддержки неизвестному ранее деятелю; переоценка военно-чеченской кампании; создание массовой базы для бюрократического блока "Единство"; разрушение аналогичной базы для столь же бюрократического блока "Отечество — вся Россия" и дискредитация его лидеров — обеспечивались беспрецедентным и беспредельным давлением со стороны государственных телеканалов. Во всех случаях требовалось (и надо сказать, достигалось) не воспоминание о славном прошлом, а демонстративное отрицание его, противопоставление стилю и наследию прошлого, конструирование симпатий как бы с нулевого уровня. Накопившийся за ряд лет груз разочарований и унижений позволил провести своего рода "переворот" в общественном мнении. Назначенный уходящим президентом преемник был воспринят и утвердился как контрастная фигура по отношению к предшественнику. Публично (и почти официально) проклинавшаяся еще весной 1999 г. чеченская кампания осенью 1999 г. стала героической или, по меньшей мере, необходимой акцией. Одновременно сменился и сценарий действия на российской политической сцене: утратило свое значение противостояние власти и компартии, произошла переоценка роли "правых".

Как и любой кризисный перелом, затянувшийся переход властных функций обнажает скрытые механизмы реализации этих функций — групповые ("семейные") и "олигархические" структуры влияния, ограниченность роли формальных институтов (партий, парламента, прессы) и, разумеется, роли общественного мнения как социального института.

В этих условиях систематические исследования общественного мнения оказались востребованными в невиданных ранее масштабах. Технологические приемы проведения массовых опросов к этому времени были освоены многими фирмами, и, как подтвердили результаты выборов 1999 г. и 2000 г., полученные данные оказались достаточно надежными. (Кстати, если в предыдущем избирательном цикле 1995–1996 гг. шумная критика в печати, отчасти имевшая чисто рекламное значение, сводилась к обвинениям организаторов опросов главным образом в ангажи-

рованности, ненадежности, фальсификации данных и т.п., то в недавней ситуации "антисоциологическая" кампания была значительно слабее и направлена была преимущественно против публикаций рейтингов, оказывающих вредоносное влияние на общественное мнение.) На первый план выступили проблемы, относящиеся не к технологии, а к **социологии** изучения общественного мнения: понимание специфических функций общественного мнения в новой переходной ситуации, факторов и пределов направленно-го влияния на отдельные его слои и "болевы точки" и т.д.

Затянувшееся прощание с уходящей эпохой. Характерные для периода президентства Б.Ельцина механизм и стиль правления (импульсивные порывы, перемежающиеся длительным бездействием, опора на узкий круг постоянно меняющихся лиц, невыполнимые популистские обещания и пр.) стали вызывать явное отторжение в общественном мнении уже с конца 1993 г. Попытки поддержать падающее доверие к верховной власти с помощью "маленькой победоносной войны" (какой поначалу представлялась чеченская кампания 1994-1996 гг. ее организаторам) или периодических угроз в отношении коммунистов (запрет партии, ликвидация мавзолея и т.п.) не могли принести успеха. Вынужденное в условиях искусственно раздутой общественной конфронтации голосование в пользу Б.Ельцина на президентских выборах 1996 г. означало не столько возвращение доверия лидеру, теряющему бразды правления, сколько надежду на сохранение хотя бы некоторого порядка в стране (и отрицание "красного реванша"). Буквально на следующий день после выборов общественное мнение отвернулось от вновь избранного старого президента. Против него стали работать и невыполнение предвыборных обещаний, и неудача в чеченской кампании, и собственная затяжная и тяжелая болезнь.

Персонализация верховной власти в фигуре президента сделала Б.Ельцина, согласно общественному мнению, главным виновником всех экономических, политических и военных неудач, выпавших на долю страны и населения. Решающий удар по его престижу нанес финансовый кризис августа 1998 г.

Предпринятая Государственной Думой в мае 1999 г. попытка отстранения президента была активно поддержана большинством населения. Неудача парламентского импичмента не изменила расстановки мнений в обществе относительно возможного ухода Б.Ельцина со своего поста: более 60% полагало, что президент должен покинуть свой пост.

В отличие от радикальных парламентариев (не составивших, впрочем, необходимого конституционного большинства в Думе) общественное мнение не имело никаких рычагов влияния на действующего президента и потому готово было заранее признать неэффективность своих оценок и невозможность реального отстранения Б.Ельцина от власти. Неконституционные и тем более насильственные средства отстранения президента от власти не находили серьезной поддержки.

"Народный" импичмент Б.Ельцина, несомненно, сыграл важнейшую роль в довольно быстром одобрении общественным мнением В.Путина как наследника президентской власти (примерно в октябре 1999 г., в обстановке воинственно-патриотической консолидации), а затем и досрочный уход Б.Ельцина с поста президента 31 декабря 1999 г. оказал воздействие в этом же направлении. Это не значит, что Б.Ельцин ушел под "нажимом" общественного мнения: просто рост его непопулярности был использован для внутригрупповых и внутриаппаратных "разборок" — того единственного механизма, который обеспечил реальные политические сдвиги в нынешней ситуации. По всей видимости, постоянная смена премьеров-"наследников" с

начала 1998 г. отражала растущее отторжение носителя президентской власти основными влиятельными группировками — олигархическим капиталом, "силовыми" верхами и собственным аппаратом. Очевидно, что только при характерном для Б.Ельцина стиле авторитарного своеволия были возможны такие нештатные ситуации, как, например, нажим на компартию, неожиданные рыжки в кадровой и внешней политике, прекращение (или развязывание) военной акции на Кавказе и т.п.

Сообщение о досрочной отставке Б.Ельцина вызвало восхищение у 11% опрошенных, удовлетворение у 51%, удивление у 27%, сожаление у 4%, недоумение у 6%, возмущение у 1%, тревогу у 4%, не вызвало никаких особых переживаний у 12% опрошенных. После того, как бывший глава государства попросил у граждан прощения в связи с тем, что не вполне оправдал их ожидания, свое отношение к нему улучшили 27% граждан, ухудшили — только 5%. Общий же баланс мнений остался резко отрицательным.

Ответы на вопрос: **"Что хорошего принесли годы правления Б.Ельцина?"** распределились следующим образом (январь 2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Ничего хорошего	45
Демократию, политические свободы	23
Преодоление дефицита, карточек, очередей	16
Возрождение частной собственности	13
Свободу действий для энергичных людей	12
Отстранение коммунистов от власти	10
Разрушение тоталитарной системы	7
Улучшение отношений с Западом	7
Надежду на возрождение России	5
Улучшение качества товаров и услуг	4
Устранение угрозы новой мировой войны	3

Ответы на вопрос: **"Что плохого принесли годы правления Б.Ельцина?"** распределились следующим образом (январь 2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Экономический кризис	40
Массовую безработицу	36
Ухудшение условий жизни	34
Чеченскую войну 1994-1996 гг.	34
Инфляцию, обесценение сбережений	32
Распад СССР	30
Расхищение богатств страны	28
Рост преступности	28
Задержки зарплат	26
Распад систем государственного образования, здравоохранения	19
Политическую нестабильность	16
Неуверенность в завтрашнем дне	15
Казнокрадство	15
Утрату Россией статуса великой державы	11
Засилье иностранцев	7
Ничего плохого	2

Конечно, мы здесь скорее наблюдаем непосредственную эмоциональную реакцию, чем взвешенную оценку уходящей политической эпохи. Возможно, в дальнейшем распределение акцентов несколько изменится. Отметим, что главные упреки в адрес Б.Ельцина в период его правления связаны с экономическим положением страны и населения, чеченской войной 1994-1996 гг. и распадом СССР. Позиции, отражающие национально-престижные поражения, занимают последние места в списке. Позитивные результаты отмечаются значительно реже, причем даже разрыв с коммунистической системой оценивается довольно сдержанно. На восприятии же чеченской проблемы придется остановиться специально несколько ниже.

Незначительное внимание к такой бросающейся в глаза черте деятельности Б.Ельцина, как демонстратив-

ный, даже показной антикоммунизм, — явление весьма примечательное. Декларативное, часто импульсивное, но подкрепленное не глубокой критикой, ни последовательностью действий отрицание предшествующей системы служило главным средством самоутверждения уходящей эпохи. Использовалось оно, особенно в критические моменты, значительно чаще, чем, например, призывы к созданию демократического строя, включению в современную цивилизацию и т.п. В большей степени это было связано с политической биографией и стилем публичного поведения Б.Ельцина. Потенциал демонстративного антикоммунизма был исчерпан довольно давно, что показали уже выборы 1995-1996 гг. Согласно данным ряда опросов последних лет, отношение населения к коммунистическому прошлому заметно улучшилось (особенно к брежневскому "застою"), даже одиозная в целом фигура И.Сталина стала восприниматься — через призму победы 1945 г. — менее критично. Новое поколение лидеров, символизированное сейчас В.Путиным, практически свободно от "антикоммунистического" груза, ищет иные способы самоутверждения и потому гораздо более открыто для практических и идеологических компромиссов с силами или символами прошлого. Остающиеся препятствия для реванша имеют иной, более прагматический характер.

Нелепо упрекать респондентов, на ответах которых формируется общественное мнение, что они не знают закулисных механизмов власти. Они оценивают лишь то, что им доступно (или что могут показать), и чаще всего — то, что они хотели бы видеть. При этом в общественном мнении нередко достаточно четко отражены какие-то принципиальные, решающие связи и соотношения. Например, данные опросов позволяют утверждать, что уход с политической сцены Б.Ельцина воспринимается людьми не как смена лиц (урочная или досрочная — не столь важно), а как признак окончания определенной политической эпохи в жизни страны, характеризующейся своим набором проблем и своим стилем их решения. Поэтому на первое место в оценке отставки президента выходят не характеристики личностей, а представления о том, как же заканчивается — или все еще длится — эта затянувшаяся эпоха. И поэтому каждому наследнику власти приходится решать вопрос о том, как он будет представлен в глазах публики — то ли как верный ученик и продолжатель дела, то ли как решительный обличитель и критик полученного наследия. Как известно из всей истории уходящего века, каждый раз довольно быстро принимался и становился популярным второй, "контрастный" вариант, который, впрочем, непременно оказывался в чем-то искусственным, слабым.

Параметры ожиданий. Одна из особенностей нового этапа и нового лидера — их "долгожданность". ("Ты в сновиденьях мне являлся, незримый, ты мне был уж мил..." — это как бы формула женского типа ожиданий, схема которого вновь — может быть, в соответствии с суждениями Н.Бердяева о "вечно бабьем" в душе России — сработала: ожидание — неизвестность — жертва.) А вот Б.Ельцин, М.Горбачев, Н.Хрущев, В.Ленин — деятели, которых "не ждали", которые навязывали стране нечто иное и непривычное.

От "законного" преемника Б.Ельцина (т.е. от Кириенко-Примакова-Степашина-Путина) меньше всего ожидали реставрации советской системы. Ожидания носили преимущественно стабилизационный характер: политическая элита надеялась на изменение стиля управления, масса — на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о наведении порядка.

Массовые экономические ожидания неизбежно и повсеместно носят популистский характер по своему содер-

жанию и патерналистский — по средствам их осуществления. Отсюда — постоянно повторяющиеся пожелания государственного контроля за ценами и экономикой в целом.

Подавляющее большинство населения считает, что проиграло от изменения экономической системы. При этом около 70% считает, что уже приспособилось или вскоре приспособится к происшедшим переменам. Но значительная часть предпочла бы все же иные, социально направленные, преобразования. В этих "трех соснах" неизменно и безысходно блуждают массовые экономические предпочтения последних лет.

Естественным дополнением служат публичные поиски тех, кто виноват в сложившейся ситуации (преобладающий до последнего времени вариант ответа: Б.Ельцин). Признаки экономического оживления в 1999–2000 гг. добавили новый вариант постановки этой вечной проблемы общественного мнения — вопрос о том, кому принадлежит заслуга в появлении этой тенденции. Первым претендентом был, как известно, Е.Примаков, но сейчас — по крайней мере, на какое-то время — лавры достаются В.Путину.

Что же касается массовых *политических* ожиданий, то здесь уже достаточно давно на первом плане — требование порядка.

При всякой постановке перед общественным мнением дилеммы "демократия или порядок?" порядок неизменно одерживал верх. Ответы на вопрос: "**Что сейчас важнее для России: порядок или демократия?**" (апрель 2000 г., N=1600 человек) распределились следующим образом:

Вариант ответа	%
Порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод	81
Демократия, даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным силам	9
Затрудняюсь ответить	10

Уже довольно долго общественное мнение склонно считать, что материальное благополучие должно предшествовать демократии (в духе известного тезиса Великого Инквизитора у Ф.М.Достоевского: "Сначала накорми, а потом спрашивай с них справедливости"), о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Согласны ли Вы с тем, что прежде нужно добиться материального благополучия, а уже потом думать о демократии?
(в % от числа опрошенных в соответствующем году, N=1600 человек)

Вариант ответа	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Согласен*	78	79	83	85
Не согласен**	17	14	11	11
Затруднились ответить	5	7	6	4

* Сумма позиций "совершенно согласен" и "скорее согласен".

** Сумма позиций "скорее не согласен" и "совершенно не согласен".

Динамика здесь не слишком заметна, но тенденция очевидна: с годами позиции сторонников приоритета демократии ослабевают.

В табл. 2 приведены данные, свидетельствующие об отношении к проблеме "сильного лидера".

Таблица 2

Согласны ли Вы с тем, что сильный лидер может дать стране больше, чем самые хорошие законы?
(в % от числа опрошенных в соответствующем году, N=1600 человек)

Вариант ответа	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Согласен*	66	72	78	76
Не согласен**	24	20	21	15
Затруднились ответить	10	8	11	9

* Сумма позиций "совершенно согласен" и "скорее согласен".

** Сумма позиций "скорее не согласен" и "совершенно не согласен".

Поддержка сильного лидера достигает максимума в смутном 1998 г., несогласие с этой позицией уменьшается из года в год.

Наиболее показательно для новейших общественных настроений распределение мнений сразу после президентских выборов 2000 г.

Приведем распределение ответов на вопрос: **"Что сейчас более нужно России?"** (в % от числа опрошенных, март 2000 г., N=1595 человек):

Вариант ответа	%
Сильный лидер	71
Сильное государство	59
Возрождение культуры и духовности	25
Возрождение патриотизма	25
Возрождение традиций	13
Демократические институты власти	13
Национальная идея	12

Конечно, само по себе распределение позиций внутри общественного мнения — это лишь пьедестал для имиджа вожделенного фаворита, но еще не реальная опора его власти и не рычаг для совершения определенных действий.

В общем, ожидания в отношении нового правления сводятся к конструированию некоего гибрида (или химеры?) более жесткой политики и относительно либеральной экономики (табл. 3). Жизнеспособность такой конструкции в конкретных российских условиях остается сомнительной, а опасность для либеральных политиков, бросающихся в объятия власти с диктаторскими замашками, — несомненна.

К структуре ожиданий, адресуемых новому президенту, можно подойти через анализ состава и ориентации его электората.

Электорат нового президента. На выборах 26 марта 2000 г. В.Путин получил 36% голосов от общего числа избирателей — почти столько же, сколько получил Б.Ельцин во втором туре выборов в 1996 г. (37%). Особенность выборов 2000 г. состоит в том, что у фаворита в период предвыборной кампании так и не появилось реальных конкурентов, что придало самим президентским выборам характер плебисцита — голосования в поддержку единственного варианта действий. Это определило существенные изменения во всем политическом механизме общества.

На общем высоком фоне наибольшая поддержка нового президента — среди женщин, жителей больших городов, людей со средним образованием (табл. 4).

Обратимся к особенностям предпочтений голосовавших в поддержку нового президента (табл. 5).

Создается впечатление, что избиратели В.Путина заметно более либерально ориентированы, чем российский электорат в целом. Обращает на себя внимание то, что сторонники нового президента сильнее выражают свое пристрастие к собственному пути России, отличному от

Таблица 3

Как Вы думаете, что будет происходить в стране после избрания В.Путина на пост Президента России?
(в % от числа опрошенных, март 2000 г., N=1580 человек)

Положение дел в стране	Вариант ответа		
	Определенно да	Скорее да	Затруднились ответить
I. Продолжение экономических и политических реформ	35	32	19
Сворачивание реформ и пересмотр их результатов	3	12	
II. Открытая публичная политика	22	30	23
Закулисные интриги	5	21	
III. Уважение к правам человека и частной жизни	22	33	26
Подчинение человека интересам государства	4	16	
IV. Спокойная обстановка в обществе	22	34	21
Атмосфера страха, напряженности, подозрительности	4	20	
V. Укрепление сотрудничества между политическими силами	21	32	23
Обострение борьбы между политическими силами	5	19	
VI. Развитие контактов со странами Запада	31	42	20
Сворачивание контактов со странами Запада	1	6	

Таблица 4

Структура электоратов основных претендентов в президентских выборах в 2000 г.
(в % от числа голосовавших в соответствующей группе, апрель 2000 г., N=1600 человек)

Социально-демографические группы	В.Путин	Г.Зюганов	Г.Явлинский
Пол:			
мужчины	49	29	6
женщины	54	28	6
Возраст:			
18–24 года	65	9	10
25–39 лет	52	18	7
40–54 года	52	31	7
55 лет и старше	47	40	3
Образование:			
высшее	51	16	15
среднее	54	26	5
ниже среднего	47	38	3
Тип поселений:			
Москва	46	19	19
большие города	55	22	10
малые города	49	30	4
села	50	36	2
Голосование на выборах в Госдуму в 1999 г. по партийным спискам			
"Яблоко"	37	4	55
"Единство"	85	6	1
ЛДПР	43	18	0
ОВР	69	14	8
КПРФ	12	79	0
СПС	67	5	2

Таблица 5

Политические ориентации электората В.Путина
(в % от числа респондентов, выбравших соответствующие ориентации, апрель 2000 г., N=1600 человек)

Вопрос и вариант ответа	Все опрошенные	Проголосовавшие за В.Путина
<i>Лучше было бы...как до 1985 г.?</i>		
Согласны	50	39
Не согласны	40	54
<i>Какая политическая система лучше для России?</i>		
Советская	42	26
Нынешняя	11	18
Демократия западного типа	26	33
<i>Какая экономическая система лучше?</i>		
Государственное планирование	52	43
Рынок	33	40
<i>По какому историческому пути должна идти Россия?</i>		
Общий путь европейской цивилизации	15	20
Путь Советского Союза	18	9
Свой собственный путь	60	65

советского и общеевропейского. Поэтому распределение ориентации в электорате В.Путина можно понимать и как выражение сложного кризиса российской демократии, теряющей собственное политическое и нравственное лицо. Кстати, согласно одному из опросов, проведенному уже после президентских выборов, главной демократической силой в стране оказывается "Единство", а главным демократом — В.Путин.

Зримые и незримые компоненты очередного "перехода". В апреле 2000 г., через месяц после президентских выборов, две трети опрошенных (66%) признали, что довольно мало знают о В.Путине, в том числе из голосовавших за него 48% отметили, что мало знают о человеке, которому только что вверили судьбу страны. В этом признании присутствует значительная доля истины и, одновременно, немалая доля привычного, утешительного лукавства.

Действительно, ни будущий президент, ни исполняющий обязанности, ни избранный президент, ни вступивший официально в свою должность президент, т.е. В.Путин, ни на одном из этапов своего продвижения не раскрыл реальных направлений своей будущей деятельности. Это обстоятельство постоянно ставило в тупик общественное мнение. В предвыборные месяцы относительное большинство опрошенных полагало, что претенденту все же следовало бы обнародовать какую-то программу. Однако отсутствие программы не помешало поддержке В.Путина в избирательной кампании, а возможно, и помогло. Тем самым вновь было подтверждено, что в нашем обществе никакие программы, обещания и декларации не принимаются всерьез.

Более того, кажущаяся неизвестность будущего президента стала важнейшим ресурсом массовой надежды на него: отсутствие знаний открывает возможности массовому воображению, склонному наделять фаворита самыми желанными чертами.

В то же время мучительным для большинства респондентов с самого начала переходного процесса был вопрос, связанный с тем, останется ли при власти "старая" группа влияния на президентские решения ("Семья", "ближай-

шее окружение"). Все девять месяцев результаты опросов показывали сомнения и (довольно робкие) надежды на смену верховной группы давления. К концу формального перехода подозрение окрепло, но практически ничего не изменилось. Уже после выборов, в апреле 2000 г., 57% опрошенных согласились с тем, что власть в стране осталась в руках тех же людей, что и при Б.Ельцине. Получается, что по меньшей мере в этом огромной важности вопросе общественное мнение лукавило перед самим собой, допуская, что новый президент по каким-то причинам просто скрывает, придерживает до какого-то момента новое направление своей деятельности, — достаточно хорошо зная или подозревая при этом, что "короля" играет старая свита...

Лозунг и смысл стабилизации. Стала как будто общепринятой характеристикой наступающей (все еще не наступившей, но условно "послеельцинской") эпохи как стабилизационной, по крайней мере по намерениям нового поколения лидеров и по общественным настроениям. Вопрос в том, кто и что именно хотел бы стабилизировать и, главное, каковы шансы на то, что это удастся.

Согласно общественному мнению в последние годы на первых местах в перечне идей, вокруг которых можно было консолидировать страну, неизменно оказываются стабильность и порядок. Население устало от неопределенности и неожиданных поворотов (ухудшавших положение простого человека). Не меньше жаждают порядка и спокойствия (при сохранении достигнутого статуса и доступа к ресурсам власти!) новые политические и хозяйственные элиты. На политической арене, даже на политическом горизонте, не наблюдаются силы, реально заинтересованные в каких-то бурных потрясениях и переделах. (Это относится как к депутатам, так и к губернаторам от компартии. Экстремистские же группы и в этой среде явно утратили влияние.)

"Общий знаменатель" стабилизации, приемлемой для различных общественных слоев и сил, — это сохранение (возможно, частичное) достигнутых после 1991 г. результатов социальных и политических переделов. При необходимости некоторыми их "излишествами" можно было бы пожертвовать.

Возникающие в связи с этим исторические аналогии самоочевидны: политологи упоминают и французский "термидор" 1794 г., и брежневский "застой" после 1964 г. В обоих случаях довольно легко сравнить "стабилизирующие" намерения, гораздо труднее — реальные силы и, тем более, реальные последствия. "Термидор" привел не к стабильности, а к долгим десятилетиям переворотов, к войнам и прочим потрясениям. Сравнения с "застоем" кажутся более содержательными, но тоже не выдерживают критики. Переход от импульсивного периода "бури и натиска" хрущевского образца к относительно спокойной эпохе "застоя" был обеспечен сохранением прежних партийного и государственного (в том числе репрессивного) аппаратов, экономической системы, спутниковой межгосударственной организации, монопольно господствующей идеологии и т.д. Все эти структуры долгое время представлялись окрепшими после избавления от "излишеств" двух предыдущих эпох. На деле происходило их замедленное разложение. Нестабильность была не преодолена, а лишь сдвинута к периферии общества (борьба с "отдельными отщепенцами", репрессивные операции на непокорных окраинах и пр.)

Сейчас ситуация принципиально иная. Стабилизирующие системы отсутствуют. Нетрудно отметить — как это делает нынешний президент — разболтанность и расхлябанность всего государственного механизма, труднее найти желанные рычаги и точки опоры, чтобы восстановить или создать желаемый порядок.

Проще всего, разумеется, предположить (проследив за развитием ситуации в переходные месяцы), от каких именно "излишеств" попытаются отказаться власти под лозунгом стабилизации.

В их число попадают прежде всего некоторые "избыточные", не востребуемые сейчас свободы — от свобод для регионов и губернаторов до свободы слова и прав человека. Положение упомянутых позиций в списке потенциальных лишенцев принципиально различно: за свои свободы и привилегии местные власти будут, скорее всего, вести напряженные торги и борьбу с центром, а за свободу слова и права человека при нынешней расстановке политических сил бороться практически некому и незачем. Правда, и прямой отказ от политических свобод общественное мнение также не готово одобрить.

Большинство никогда и нигде не может быть самостоятельным защитником прав меньшинства и в конечном счете отдельного человека, если нет активных демократических сил (движений, партий, лидеров), способных отстаивать такие права. В прошлую эпоху такие силы все же были заметны и, что главное, в противостоянии с коммунистическим прошлым власть, при всех своих авторитарных склонностях, вынуждена была время от времени апеллировать к демократическим символам и ценностям. "Стабилизационная" власть если и использует подобные апелляции, то, скорее всего, для демонстрации практического обесценения былого политического многообразия под лозунгами консолидации "всех", от сталинистов и ГКЧПистов до нынешних патриотов и олигархов.

Далее на очереди — общегражданские права и конституционная законность. Принятая в опросах последних лет позиция "соблюдение порядка и законности" теряет смысл, когда порядок опирается на незаконное использование силы. Наглядный пример этому, конечно, — используемый способ наведения порядка в мятежной Чечне, оказывающий все более сильное влияние на общероссийские политические процессы и на состояние общественных настроений. Одна из важнейших опор поддержки населением новых властных структур — сложившаяся в недавние годы тенденция одобрения ужесточения наказаний и бессудных расправ с "опасными" элементами.

И, разумеется, излишней оказывается недоразвитая, а точнее всего, лишь намечившаяся за десяток лет многопартийность со всеми политическими конфликтами, парламентской борьбой и т.д. Гораздо более удобной и эффективной для нужд стабилизации выглядит "управляемая" демократия — контролируемый исполнительной властью парламент, доминирующая "государственная" партия при неэффективной или мнимой оппозиции. К восприятию обществом этой тенденции мы вернемся несколько позже.

В такой ситуации демократические свободы не востребованы, не вынуждены (как было при М.Горбачеве и Б.Ельцине), они лишь допустимы в определенных рамках. Скажем, столь охотно упоминаемая свобода слова воинственно-оппозиционных патриотов из газет типа "Завтра" (а также изданий неонацистов, антисемитов и т.п.) — терпима, поскольку действует на ограниченную аудиторию и не представляет реальной опасности для массовой опоры власти. Зато нетерпимой и преследуемой оказывается даже довольно осторожная попытка представить в широкой печати или на ТВ критическую позицию по тому же больному чеченскому вопросу. Стоит вспомнить, что знаменитое единомыслие (с "единодушной поддержкой", соответствующими голосованиями и нравами) устанавливалось в свое время в беспощадной борьбе, прежде всего, со "своими", отклонившимися от единственно правильной линии.

Исходя из анализа общественного мнения очень сложно представить, какая сила и каким образом могла бы на деле провести в стране столь желанное упорядочение.

Точнее, до последнего времени это было трудным. За переходные месяцы обозначились — и в том или ином виде были представлены обществу — три составные части, или три фактора, такого процесса:

- 1) силовые структуры как кадровый ресурс и социальный фактор;
- 2) энергичный и решительный лидер;
- 3) локальная внутренняя война как средство динамики положения в стране.

Попытаемся на основании имеющихся данных оценить отношение к этим факторам, сложившееся в общественном мнении.

Опасения и надежды на силовые структуры. В переходной ситуации обострилось внимание к роли военных и спецслужбовских структур в общественной жизни страны: во-первых, ФСБ снова предстает как "кузница" руководящих кадров — нового президента и части его окружения; во-вторых, прямое и значительное влияние на общество оказывают действия и амбиции военного командования и военных структур (армейских, МВД и др.), участвующих в чеченском конфликте. Серьезное значение для состояния общества имеют процессы, происходящие в действующих вооруженных силах, декларированные некоторыми политиками надежды на "возрождение" армии или наблюдаемые тенденции деградации ее личного состава, ожесточение, развитие "чеченского синдрома", аналогичного "афганскому", и пр.

Как показывают исследования, то, что В.Путин долго был связан с ФСБ вызывает беспокойство у сравнительно небольшой части опрошенных — менее чем у четверти (23% по данным марта 2000 г.), в том числе у голосовавших за него только у 13%. Образ органов НКВД—КГБ как самостоятельного субъекта карательного насилия — созданный, кстати, для самооправдания партийным руководством еще при И.Сталине, если не ранее, а потом активно использовавшийся в аналогичных целях уже Н.Хрущевым, — практически полностью утратил свою силу.

Обращение к кадровым ресурсам отечественных спецслужб — характерный признак практически всех происшедших или намечавшихся трансформаций в высшем руководстве с 1953 г. Достаточно вспомнить череду претендентов на лидерство в различных ситуациях: Берия, Шелепин, Андропов, Бакатин, Крючков (ныне восстановленный в почете реальный лидер ГКЧП), а далее уже "сплошной" ряд Степашин-Примаков-Путин. К тому же обстановка изоляции первых лиц постоянно приводила к тому, что ближайшим советником у них оказывались собственные охранники (Коржаков...)

Тенденция, очевидно, требует объяснения. Скорее всего, имело значение особое положение "органов" внутри партийных структур (некое подобие "внутренней партии" в терминологии Дж.Оруэлла), как вооруженной партийной гвардии, обладающей правами надзора за всеми кадрами и организациями и — по легендам — не причастной к всепроникающей коррупции, в том числе нравственной. В данном случае не столь важно, в какой мере это особое положение питало надежды правящей верхушки на "спасителя", а в какой — амбиции очередного претендента на эту роль. Разложение и распад практически всех "зримых" партийно-государственных структур как будто меньше затронули их "подводную", наиболее удаленную от публичных оценок, часть. Отсюда довольно широко распространенные иллюзии относительно сохранности организационного (а то и реставрационного) потенциала на каком-то потаенном уровне.

Практика последнего десятилетия (по крайней мере до второй чеченской войны) основательно развеяла иллюзии такого рода. Вне партийно-государственной монополии

власти никакие спецслужбы не смогли или не пытались играть сколько-нибудь активную роль в происходящих событиях.

Поэтому можно предположить, что "органы" выступают в качестве поставщика кадров высшего эшелона, скорее всего, потому, что они до последнего времени оставались школой профессиональных службистов, аккуратных карьерных функционеров среднего уровня — как бы слабого аналога "рациональной бюрократии", представленной в работах М.Вебера. А то, что люди такой квалификации и такого уровня оказываются востребованными на высшие роли, связано уже с неразвитостью цивилизованной политической структуры в России, где обычные для западных стран каналы продвижения местных или партийных лидеров на государственные высоты не сложились, перекрыты конфликтами и т.п. (Разумеется, это относится к постсоветской ситуации, после разрушения партийного кадрового "лифта".)

Другая сторона вопроса — власть, которая вынуждена открыто искать опоры в силовых структурах. Причем не столько для решения собственно силовых проблем (пресечения агрессии, преступных действий), а для укрепления своего влияния на общество в целом, на страну. Приведем распределение ответов на вопрос: **"На какие силы, по Вашему мнению, будет опираться В.Путин?"** (в % от числа опрошенных, апрель 2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
На военных, МВД, ФСБ	52
На губернаторов, политическую элиту	40
На олигархов, крупный бизнес	25
На директоров крупных предприятий	17
На государственных чиновников	12
На простых людей	12
На специалистов	11
На средний класс	10
На культурную и научную элиту	9
На весь народ	6

Представители силовых органов, как видим, многим видятся основной опорой нового президента — одним это беспокоит или пугает, других обнадеживает. Стоит поэтому оценить различные сценарии развития ситуации под "силовым" влиянием.

Самый известный в нашей истории — это, конечно, сценарий "большого террора", массового страха, покорности и доносительства 30-50-х годов. Именно тогда важнейшей опорой партийно-государственной власти были те, которых сейчас относят к спецслужбам. Даже если бы эти органы имели сегодня такое же влияние и привилегии, трудно представить, что можно было бы запугать население новыми версиями вездесущих "врагов народа", "террористов" и пр. Для этого требовались бы условия, которые невозпроизводимы. Как уже отмечалось выше, помнят этот вариант в основном образованные люди старших возрастов.

Международные ("чилийские" и пр.) аналогии многократно вынуждают ставить вопрос о возможности диктатуры, опирающейся на армию, ФСБ и МВД. В марте 2000 г. около 40% опрошенных выражали согласие (11% — полностью, 28% — в основном) с тем, что единственным выходом для страны является жесткая диктатура; 60% с этим не соглашались. Значительно реже получал поддержку вариант передачи власти армии: его склонны были поддержать лишь 15% против 85%. Возможность того, что военную диктатуру установит сам В.Путин, беспокоила несколько более трети населения (34% в январе, 36% в апреле).

"Классические", отработанные историей "силовые" сценарии представляются весьма мало реальными, конечно, не из-за недоверия общественного мнения, а из-за отсутствия необходимых условий.

Более реален иной сценарий — локальные силовые акции как повод для создания атмосферы страха и оправдания ужесточения режима. Собственно, развертывание примерно такого сценария на "чеченской" базе мы видим с осени 1999 г. (Это не напрямую диктатура силовиков и, разумеется, не "диктатура закона", а скорее "диктатура страха", открывающего дорогу насилию, в том числе под "антитеррористическим" флагом.) Как возможности, так и рамки и противоречия такого сценария в современной российской обстановке стали очевидными за ряд месяцев его фактического осуществления.

И, наконец, также ограниченный и также испытанный сценарий прямого давления военных структур (высшего и оперативного командования) на государственную политику. Этот вариант в определенной мере опробован в конфликтных ситуациях последнего времени — от нашумевшего "броска" десантников в Косово до выдвижения военной верхушкой политических требований (относительно наступления и переговоров) в связи с положением в Чечне.

Люди и обстоятельства: параметры личных характеристик. В ряду контрастов нынешнего политического перехода, как они воспринимаются общественным мнением, существенную роль играет противопоставление личных особенностей и стилей ушедшего и вступившего в должность президентов (табл. 6).

Очевидно, что полученные списки качеств прежде всего отображают эмоциональное и в значительной мере конъюнктурное противопоставление "позитива" В.Путина "негативу" Б.Ельцина. Наиболее резкий контраст возникает при характеристике таких качеств, как энергичность, решительность, рассудительность, умение говорить и стремление к порядку, — все это не требует объяснений. Тем важнее обратить внимание на те немногие позиции,

Таблица 6

Какие из перечисленных качеств, по Вашему мнению, в наибольшей степени свойственны Б.Ельцину и В.Путину?
(в % от числа давших содержательный ответ, апрель 2000 г., N=1600 человек)

Качество	Б.Ельцин	В.Путин
Четкая, последовательная политическая линия	6	20
Профессиональные, интеллектуальные качества	7	25
Государственный подход к решению проблем	7	24
Опыт хозяйственной деятельности	18	5
Опыт политической деятельности	28	12
Сдержанность, рассудительность	9	59
Активность, энергичность	6	51
Волевые качества, мужественность	15	46
Независимость	13	12
Честность, порядочность	4	17
Личное обаяние	6	26
Умение связно излагать свои мысли	3	33
Открытость, доступность	4	9
Уважительное отношение к простым людям	3	11
Гибкость, способность к компромиссам	7	9
Стремление к порядку и законности	4	28
Бескорыстие	3	4
Готовность защищать интересы простых людей	3	11
Культура, образованность	4	20
Другое	7	1
Ничего из перечисленного, затрудняюсь ответить	60	16

Лидерские и личные качества лиц, стоявших во главе
российского государства в XX в.

(Средняя величина по пятипозиционной шкале,
январь 2000 г., N=1600 человек)

Глава государства	Лидерские качества	Личные качества
Николай II	3,21	3,65
В.Ленин	3,92	3,59
И.Сталин	3,86	2,98
Н.Хрущев	2,95	2,90
Л.Брежнев	3,00	2,97
Ю.Андропов	3,46	3,39
М.Горбачев	2,69	2,93
Б.Ельцин	2,50	2,54
В.Путин	3,81	3,85

где определенные оценки (частота упоминаний) у Б.Ельцина выше, чем у его преемника, или близки к ним. Опрошенные значительно чаще приписывают Б.Ельцину опыт хозяйственной и политической деятельности. Практически одинаково редки оценки бескорыстности обоих деятелей и мало отличаются оценки их гибкости, способности (точнее, неспособности) к компромиссам. Невысоки и мало отличаются оценки открытости, доступности.

При характеристике собственных черт В.Путина, которые воспринимаются как положительные, оценки во многих случаях практически дублируются. Приведем распределение ответов на вопрос: "Что Вас привлекает в В.Путине?" (в % от числа опрошенных, апрель 2000 г., N=1580 человек):

Вариант ответа	%
Энергичность, решительность, волевые качества	46
Способность навести порядок в стране	29
Проводимая им политика в Чечне	21
Качества настоящего лидера	17
Личное обаяние	13
Способность обеспечить стабильность в стране	12
Умение вызывать уважение окружающих	12
Способность к компромиссам, к объединению различных сил	10
Принципиальность	10
Честность, порядочность, бескорыстие	7
Политическая дальновидность	6
Понимание нужд простых людей	5
Проведение политики, независимой от окружения Б.Ельцина	2
Другое	1
Затрудняюсь ответить	21

Главное внимание уделяется *стилю* поведения — опять-таки постоянно демонстрируемые воля, энергия, решительность. Причем, как нетрудно заметить, демонстрируется и служит важным компонентом самоутверждения нового лидера страны, прежде всего, стиль его поведения, а не государственной деятельности. Подчеркнутый — и желаемый общественным мнением — контраст между двумя президентами представляет собой преимущественно контраст стилей, а не политических курсов. Собственно говоря, наведение порядка в стране, и прежде всего в мятежной Чечне, давно воспринимается как компонент "путинского" политического стиля. Все остальные характеристики политики и личности (бескорыстие, дальновидность и др.) приводятся значительно реже, поскольку они просто неизвестны людям. Но особую важность имеет позиция, которая упоминается реже всего: очень мало верят в независимость политики нового президента от старого окружения.

Понятно, что в табл. 7 приводятся данные, которые в высшей степени отражают субъективную шкалу оценок — это прежде всего распределение симпатий в январе 2000 г., т.е. вскоре после отставки Б.Ельцина, в "пиковый" момент позитивных установок в отношении В.Путина.

Прямолинейное сравнение личностных масштабов В.Путина и Б.Ельцина (а также, например, М.Горбачева и других прошлых лидеров) не вполне корректно без учета обстоятельств, в которых им приходилось действовать. В период "бури и натиска" на первых порах общественному мнению не случайно импонировала фигура Б.Ельцина как радикального — по крайней мере, демонстративно — разрушителя отвергаемой общественной системы, противопоставлявшаяся фигуре "нерешительного" и "компромиссного" реформатора М.Горбачева. Демонстративная решительность намерений и сформировала в общественном мнении (как отечественном, так и международном, скорее даже именно в последнем) габариты восприятия

Б.Ельцина, подкрепляемые его собственным "царственным" стилем. Даже примитивность расчетов и импульсивность действий этого лидера могли до поры до времени служить ресурсом его массовой поддержки. С этим стилем были связаны и черты личной харизмы Б.Ельцина в общественном восприятии (как приходилось отмечать ранее, речь шла о вторичной, или наведенной, харизме, определившейся в период пребывания у власти и с помощью властных механизмов). Эпоха стабилизации, естественно, нуждается в деятелях другого типа, причем и масштаб их должен измеряться иными мерками. Как это бывало не раз, "неумудрое мира" призвано успокаивать и упорядочивать последствия исторических бурь и завихрений.

Стабилизационные, "выравнивающие" периоды нуждаются в деятелях (или имиджах деятелей), которые максимально приближены к образцам и масштабам "среднего", "простого" человека. Это можно было видеть и при попытке Л.Брежнева стабилизировать советскую систему.

Впрочем, характеристики содержания любых эпох всегда в какой-то мере условны (идеально-типичны), не учитывают всего реального своеобразия событий и действий. Тем более, если такие характеристики относятся к только что обозначившемуся периоду. Время покажет, какие акции, заявленные или признанные в качестве стабилизирующих, действительно и в какой мере станут таковыми, а какие будут иметь и прямо противоположные последствия.

Массовое восприятие В.Путина как энергичного и решительного деятеля связано преимущественно со стремлением любой ценой подавить чеченский мятеж, а также с постоянно демонстрируемыми им подвижностью, бойкостью речи и т.д. Эти особенности нового лидера буквально ошеломили общественное мнение с первых недель появления В.Путина на посту премьер-министра. В дальнейшем чисто эмоциональное восприятие в определенной мере вошло в привычку, отчасти осмысливается в свете накопленного опыта. На протяжении "переходных" месяцев в общественном мнении утвердилось представление о В.Путине как "безальтернативном" новом лидере. Это нашло выражение в предвыборных рейтингах, ожиданиях, наконец в результатах голосования. Из числа голосовавших за него около половины указали в качестве мотива понимание того, что у страны "нет другого выбора".

Создалась, таким образом, ситуация безальтернативности, т.е. отсутствия реального выбора, отчасти напоминающая ту, которая существовала в эпоху партийно-советской монополии. И единогласие той поры ("99% за..."), и приписываемая ему эмоциональная окраска ("энтузиазм", "любимый вождь" и пр.), и господствовавшая прак-

тически всеобщая привычка к такому положению связаны с этим отсутствием альтернативы.

Нынешние эмоциональные компоненты массового отношения к новому президенту можно оценить скорее как сдержанные и выжидательные. Об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос: "Какими словами Вы могли бы обозначить свое отношение к В.Путину?" (в %, апрель 2000 г., N=1595 человек):

Вариант ответа	%
Восхищение	3
Симпатия	29
Не могу сказать о нем ничего плохого	34
Нейтральное, безразличное	11
Настороженное, выжидательное	14
Не могу сказать о нем ничего хорошего	5
Антипатия	2
Затрудняюсь ответить	4

Ресурсы доверия населения к В.Путину питаются не столько эмоциональными оценками и тем более не рациональным анализом его действий, сколько тем же предположением об отсутствии иного выбора. Ресурсы эти в настоящее время довольно велики, хотя и не безграничны. В марте 2000 г., непосредственно перед президентскими выборами, они измерялись следующими показателями: полностью доверяли В.Путину 15%, скорее доверяли 47%, скорее не доверяли 17%, совершенно не доверяли 7%, затруднились ответить 14%.

Ресурсы и последствия "агрессивной" мобилизации.

Если в прошлом избирательном цикле 1995-1996 гг. основным "динамизирующим" фактором была раздутая конфронтация между коммунистами и коммунистами (в тени которой оставалась "первая" постсоветская война в Чечне), то в 1999-2000 гг. таким фактором стала новая чеченская война. Политическая консолидация общества в поддержку только что представленного стране нового премьера и преемника президентской власти вряд ли была бы возможна без воинственной ("агрессивной") — в социально-психологическом смысле — мобилизации против общей опасности. Притом опасности вполне зримой, повсеместной, представшей перед страной в виде грохота и жертв провокационных взрывов.

Чисто "служебная" функция воинственной мобилизации проста, понятна и в принципе была исполнена уже к октябрю—ноябрю 1999 г., когда многочисленные опросы показали, что В.Путину обеспечен бесспорный успех на президентских выборах. Еще до получения президентских полномочий российская власть как будто имела возможность перейти от военных действий к поискам обещанного политического варианта урегулирования ситуации, сохранив при этом и собственное лицо, и высокий рейтинг официального претендента. Этого не произошло, возможно, потому, что группа поддержки В.Путина считала свои позиции слишком слабыми или потому что она испытывала давление с чьей-то стороны. Представляется, что и власть, и в каком-то смысле все общество оказались заложниками созданной (или создавшейся, в конечном счете это не имеет особого значения) обстановки. Оставляя в стороне сугубо политологические соображения о взаимоотношениях различных гражданских, военных и, скажем, "олигархических" институтов и инстанций в этой ситуации, отметим наиболее существенные тенденции, проявившиеся в общественном мнении.

На протяжении всех месяцев войны на Северном Кавказе общественное мнение в стране находится в напряженном, экстремальном, давно не виданном состоянии воинственной мобилизованности, значительное большинство населения демонстративно поддерживает продолжение военной операции до победного конца.

Правительственная (президентская) политика в Чечне получает невиданно единодушное одобрение (табл. 8).

Таблица 8
Как Вы относитесь к нынешним действиям российского правительства в Чечне?
(в % от числа опрошенных, апрель 2000 г., N=1600 человек)

Социально-демографические группы	Вариант ответа			
	Полностью поддерживаю	Скорее поддерживаю	Скорее против	Решительно против
Всего	36	45	13	4
<i>Пол:</i>				
мужчины	44	42	11	3
женщины	30	48	15	5
<i>Возраст:</i>				
18-24 года	37	44	16	3
25-39 лет	33	50	12	5
40-54 года	34	44	15	5
55 лет и старше	41	42	12	3
<i>Образование:</i>				
высшее	31	51	13	5
среднее	35	46	13	5
ниже среднего	39	42	14	3
<i>Тип поселений:</i>				
Москва	32	52	12	3
большие города	37	43	14	5
малые города	34	49	12	5
села	38	45	13	2
<i>Голосование на выборах в Госдуму 1999г. по партийным спискам:</i>				
КПРФ	36	49	10	4
ЛДПР	56	25	15	5
"Единство"	44	47	6	1
ОВР	33	32	26	8
СПС	34	51	11	5
"Яблоко"	24	47	18	10

Общий уровень поддержки действий российского правительства в Чечне превышает 80%. Различия по категориям опрошенных минимальны. Среди электоратов общая поддержка колеблется и составляет 91% у "Единства", по 85% у КПРФ и СПС, 81% у ЛДПР, 71% у "Яблока" и 64% у избирателей ОВР. Доля несогласных превышает 20% только в группах избирателей ОВР (34%) и "Яблока" (28%).

Широко распространенный страх населения перед возможными новыми актами террора, возникший осенью 1999 г., стал заметно слабее, предполагаемых виновников взрывов найти не смогли, до судебного разбирательства обвинений дело не дошло. Однако значительной части населения официальная версия причастности к взрывам чеченских боевиков (к которым к концу 1999 г. стали причислять и властные структуры Чечни) представляется недостаточным доказательством их виновности. Чувства ненависти и мести по отношению к чеченским боевикам и всем их поддерживающим разделяют, согласно опросам, около трети населения, примерно столько же согласны с тем, что разрушенные селения в Чечне не стоит восстанавливать, что раненых боевиков не следует лечить, что с боевиками можно расправляться без всяких судебных процедур. Более половины опрошенных (апрель 2000 г.) считают оправданной мерой высылку всех жителей Чечни, проведенную сталинской властью в 40-е годы.

Чем, по-Вашему, завершится вооруженный конфликт в Чечне?
(в % от числа опрошенных в соответствующем месяце)

Вариант ответа	1999 г.		2000 г.	
	Октябрь	Декабрь	Январь	Апрель
Боевики будут разгромлены и вся Чечня будет возвращена в состав России	24	45	39	39
От Чечни будет отторгнута и возвращена в состав России ее часть севернее Терека	7	6	6	6
Конфликт приведет к огромным потерям и окончится так, как в 1996 г.	19	13	15	17
Конфликт приобретет затяжной характер и распространится на другие регионы Северного Кавказа	30	22	24	36
Затруднились ответить	20	14	16	2

Вряд ли можно объяснить бурный всплеск таких настроений только страхом и жадой отмщения в отношении чеченских мятежников. Чеченский узел сводит воедино сложный комплекс общественных переживаний, связанных с переоценкой роли "российского" центра в государственной федерации, накопившимся ресурсом напряженности и ксенофобии в межнациональных, а также и в межрегиональных отношениях, чувством унижения вследствие неудачи предыдущей военной кампании 1994–1996 г. и пр. Причем "завязан" этот узел, прежде всего, не на Северном Кавказе, а в Москве и в России в целом, поскольку он затрагивает авторитет, престиж, карьеры институтов и деятелей государственного масштаба. Расчет на то, что решительные акции в отношении Чечни могут изменить расстановку сил в Москве, оказался верным, но скорее недалеким.

Отметим две существенные особенности восприятия новой чеченской войны в общественном мнении.

Во-первых, отсутствие заметного влияния военных потерь на настроения общества. Как можно было понять, первоначально военным командованием предполагалось провести силовую операцию "малой кровью, могучим ударом", используя опыт "бесконтактных" действий ВВС НАТО в Югославии в апреле—мае 1999 г. Вместе с тем имелись предположения, что крупные потери с федеральной стороны вызовут рост антивоенных настроений в стране. Ни те, ни другие предположения не оправдались: потери растут, общая поддержка военных действий сохраняется. На протяжении всех военных месяцев продолжение российского наступления в глубь Чечни поддерживали 60–70%, переговоры с противной стороной — 15–25%. Упоминание о возможных потерях ("Если...") уменьшает поддержку наступления примерно на 10% и увеличивает поддержку переговоров примерно на 15%. Принципиальной расстановки мнений это не меняет. Общество устало от войны (в апреле 2000 г. с этим соглашались уже 89% опрошенных, не соглашались только 6%), но не настроено против нее.

Во-вторых, при общей агрессивной воинственности, отраженной в общественном мнении, желание непосредственного личного участия в операциях против террористов и мятежников выражено весьма слабо и даже имеет тенденцию к снижению: если в ноябре 1999 г. такую готовность выражали 19% опрошенных (против 65%), то в апреле 2000 г. — 15% (против 69%).

В основе обоих феноменов, как можно полагать, лежит "постороннее", своего рода "зрительское" отношение к чеченским событиям. Это не равнодушие, не безразличие, в массовых настроениях отмечается и гнев, и боль, и печаль, но преимущественно в тех формах, которые обнаруживают заинтересованные и взволнованные зрители действия, происходящего на экране, на сцене, отгороженной от публики. Непосредственную боль человеческих смертей и страданий испытывают близкие, соседи, товарищи попавших в беду. В целом по стране это, возможно, десятки

тысяч людей. Для остальных миллионов война остается событием по ту сторону телевизионного экрана. Больше того, значительная часть людей сознательно или не вполне осознанно отстраняет от себя самую тревожную, самую мучительную информацию, замыкаясь на собственных повседневных заботах. (Подобным же образом отстраняются люди и от ответственности за происходящее в стране.) Отсюда и решительное нежелание большинства людей участвовать в осуществлении той самой акции, которую они так активно (но только как "зрители"!) поддерживают. Отсюда и устойчивость оптимистических тенденций в общественных настроениях с осени 1999 г.

Так, собственно, работает в российском обществе феномен "астенического синдрома" — отсутствия нормальной болевой реакции на разрыв социальной ткани, а также на разрыв "связи времен" (реакция на действие не связана с учетом его последствий). Но это значит, в числе прочего, и то, что негативная, "агрессивная" мобилизация порождает преимущественно демонстративную консолидацию общества. Ни солидарно переживаемые чувства гнева и отмщения, ни "единодушные" голосования не означают реального единства активных действий.

Заслуживает внимания динамика представлений о перспективах военного успеха (табл. 9).

Как видим, несмотря на рост "победоносных" настроений, особенно заметный к концу 1999 г., более половины опрошенных видит скорее пессимистические сценарии развития ситуации.

Как ни странно на первый взгляд, но за долгие месяцы войны отношение российского населения к возможности отделения Чечни от России не слишком изменилось: в сентябре 1999 г. лишь 14% считали необходимым воспрепятствовать отделению Чечни любыми средствами, включая военные, в апреле 2000 г. такую позицию занимали вдвое чаще — 28%. Но и ранее, и теперь большинство готово смириться с независимостью мятежной провинции. И не потому, что одобряет действия чеченских сепаратистов, а для того, чтобы "отделаться", отстраниться от всего узла тревог и противоречий. (Тот же астенический синдром.)

Даже если "фронтальная" война уходит (пока она лишь меняет свои формы, может быть, на более опасные), ее последствия, в том числе в общественном мнении, остаются, более того, множатся и усложняются.

Одно из таких последствий — смешение понятий "сильное" и "силовое" (табл. 10).

Небольшой диапазон различий в этом "похвальном слове силе" позволяет говорить о том, что перед нами в данном случае — показатель общего состояния общественного мнения в современной России. Если термины "сильный" и "силовой" смешиваются, то это означает, что правовое, нравственное, политическое сознание держится пока на довольно примитивном уровне.

Власть, которая десять лет назад шумно декларировала свою приверженность принципам правового государства, сегодня нагибается до примитивно-массового уровня.

Таблица 10

Как Вы думаете, применение армии, авиации, артиллерии, танков для наведения порядка в Чечне — это признак чего?
(в % от числа опрошенных, апрель 2000 г., N=1600 человек)

Социально-демографические группы	Вариант ответа		Затруднились ответить
	Силы государства	Слабости государства	
Всего	55	25	20
<i>Пол:</i>			
мужчины	61	24	15
женщины	50	26	24
<i>Возраст:</i>			
18-24 года	54	25	21
25-39 лет	58	27	15
40-54 года	54	26	20
55 лет и старше	53	22	25
<i>Образование:</i>			
высшее	53	27	20
среднее	56	27	17
ниже среднего	54	22	24
<i>Тип поселений:</i>			
Москва	49	33	18
большие города	57	26	17
малые города	54	23	23
села	53	27	20
<i>Голосование на выборах в Госдуму 1999 г. по партийным спискам:</i>			
"Яблоко"	52	31	16
"Единство"	67	14	19
ЛДПР	69	18	13
ОВР	50	39	11
КПРФ	54	26	20
СПС	60	29	11

Одно из самых тяжелых и долговременных последствий воинственной мобилизации — резко возросший уровень негативных установок в отношении нерусских, живущих в России. Если принять за показатель ксенофобии отношение доли респондентов, усматривающих в этнически нерусском населении какую-то угрозу для страны, к доле людей, которые такой опасности не видят, получим довольно выразительную динамику (табл. 11).

В апреле 2000 г. 19% считали, что нерусские представляют большую угрозу для России, еще 37% отметили некоторую угрозу с их стороны, в то время как 21% усматривал в них лишь небольшую угрозу, а 22% никакой угрозы не видели.

Новый или "старый" политический пейзаж? Девять месяцев формального перехода власти существенно изменили политическую сцену страны — характер действующих лиц и самого действия. Номинально все атрибуты многопартийности 90-х годов сохранены, реально же — в значительной мере утратили значение. Происходит процесс замены так и не созревшей многопартийности новым вариантом хорошо известной в свое время "государственной партийности". Если в советские времена единственная партия объявляла себя государственной силой, то сегодня государственная власть объявляет себя единственно "правильной" партией, подчиняя себе или оттесняя на обочину политической жизни все прочие организованные

Таблица 11

Уровень опасений в отношении "нерусских в России"

Годы	1995	1996	1997	1998	1999*	2000
Индекс	0,46	0,70	0,52	0,59	0,98	1,27

* Май 1999 г., после начало акции НАТО в Югославии.

партийные силы. При этом партии, созданные "сверху", как правило, превращаются в простых сателлитов государственной власти, а те, которые пытались вырасти "снизу", на основе каких-то групп и течений, практически сходят со сцены*. При этом, в соответствии с хорошо известной традицией, нынешняя (президентская) власть склонна отождествлять себя с государством или даже с отечеством, а несогласие со своей политикой объявлять "антигосударственным" действием.

Отказ от характерной для правления Б.Ельцина демонстративной конфронтации с компартией в этих условиях приводит к пересмотру всей функциональной конструкции сдержек и противовесов, которая составляла основу многопартийного механизма последних лет. Это фактически лишает своих традиционных ролевых функций на политической сцене не только компартию и ее марионеточного дублера, ЛДПР, но и силы демократической поддержки власти (выступающие сейчас под именем СПС) и демократической оппозиции ("Яблока"). Наглядные подтверждения этой тенденции — поддержка "чеченской" политики правительства большинством во всех партийных электоратах, почти плебисцитарные президентские выборы 2000 г., наконец, фактическое подчинение новоизбранной Думы требованиям исполнительной власти.

Интриги и скандалы вокруг распределения постов в думских комитетах (январь 2000 г.) обнажили глубинные структуры и пружины нашей парламентской — да и всей политической — жизни. После этого 54% опрошенных сочли, что новая Дума "определенно" или "скорее" находится под контролем президентской администрации, и только 27% — что она остается (тоже "определенно" или "скорее") независимой. Самое важное, что это не вызвало ни публичных, ни парламентских протестов: такую Думу избрали после того, как определились нынешние "президентские" пристрастия общества и как бы в их тени, на фоне "меркнущих и гаснущих" звезд политических партий.

В итоге — довольно унылая картина опустевшей за десятилетие российской политической сцены (кое в чем напоминающей заключительную сцену "Гамлета"). Политика капитулировала перед "завоевателем" — президентской властью. Власть и "послушный ей народ" вновь остаются наедине.

Интрига неизвестности. Опыт месяцев, минувших после фактической и формальной передачи высшей власти в России (и особенно опыт недель после завершения церемониальной стороны этой передачи), приоткрывает главную "интригу" всего процесса: ожидаемая и провозглашенная как будто стабилизация при отсутствии реальных средств для этого (как "физических", так и "программных") превращается в создание новых "проблемных точек" и новые попытки балансировать между обострениями различного типа.

Поскольку стремительный взлет массового (и "аппаратного") доверия к новому первому лицу построен на авансах, которые пока нечем оплатить, с неизбежностью формируется стратегия получения новых и новых авансов

* См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: Время "серых" // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 17-29.

на новых фронтах борьбы — вокруг Совета Федерации и губернаторов, "Медиа-Моста" и радио "Свобода", перевода Думы в С.-Петербург и т.д., в ежедневном режиме.

Это приводит к тому, что любая официально зафиксированная расстановка сил (должностей) становится временной. Можно вспомнить, что "застойная" стабилизация определилась через три-четыре года после перехвата власти (к 1968 г.), но тогда "паровоз" государства еще катился по проложенным ранее рельсам. Сейчас этого нет.

Воинственная мобилизация общества вокруг чеченского узла из острой превращается в "привычную", тем более что героическая ("штурмовая") фаза операции — с водружением знамен на горных вершинах и разрушенных кварталах Грозного — миновала безвозвратно. Любые же варианты рутинных "зачисток" и партизанских вылазок в сочетании с разговорами о переговорах, урегулировании или восстановлении чего бы то ни было при любом варианте управления/неуправляемости в регионе — заведомо не героичны, не духоподъемны.

Управляемая Дума и конструирование "госпартийности" дали явный, но временный выигрыш исполнительной власти. Административно направляемая демократия — как в общеполитическом, так и в парламентском плане — превращает администрацию в "крайнего", ответственного за все и вся (каким и представлялся бесконечно критикованный бывший президент). Если нельзя ссылаться на непослушную Думу или на нераспорядительное правительство, виноватыми оказываются президент и его администрация. Кроме того, всякое "механическое" единство, пригодное для противодействия (например, парламентским аутсайдерам), не обязательно окажется эффективным для принятия конструктивных решений.

Наконец, сложная балансировка ("на канате") отношений с Западом, направленная на то, чтобы и связи сохранить, и вмешательства во внутренние (кавказские и пр.) дела не допустить вносит в ситуацию дополнительные элементы риска и нестабильности.

В этой обстановке общественное мнение не может быть стабильным, не может долго сохранять тот баланс напряженности и доверия, который сформировался в конце 1999 г. Разумеется, было бы бессмысленно искать сейчас в опросных данных каких-то конструктивных представлений о дальнейшем развитии ситуации. Общественное мнение в принципе не создает варианты конструкций или оценок, а "только" выбирает из предложенного набора, "меню". Обязанность политической элиты — предложить населению определенные варианты выбора. Пока этого нет (а сегодняшняя политическая сцена, как уже отмечалось, пуста в этом смысле) общественному мнению остается лишь отмечать успех или неуспех тех конструкций, которые в него были введены ранее.

**Роберт БРИМ,
Лариса КОСОВА**

Феномен В.Путина: морфология и семантика массовой популярности

За последние несколько месяцев В.Путин стал героем огромного множества текстов, опубликованных как в широкой прессе, так и в специальных изданиях. Внимание к первым лицам государства, в общем естественное, в России обусловлено особыми причинами. Жизнь российского общества в значительной степени задается и определяется властью, уровень его собственных социальных ресурсов крайне низок. Не внутренние механизмы саморегуляции общества определяют основные тенденции развития его подсистем, включая экономику, а решения и конкрет-

ная деятельность властных институтов различных уровней, от федерального до локального. Это объясняет столь массовые надежды, возникающие с появлением каждого нового политического актора, усилия связать личные качества и особенности биографии очередного фигуранта с возможной в будущем политикой. Личный момент тем более представляется важным массовому сознанию, что в российском обществе практически отсутствуют средства влияния на проводимую политику, обязательные для общества демократического. Будучи избранным в законодательные органы политик получает своеобразный карт-бланш: у российских избирателей нет никаких возможностей отозвать его из власти или применить к нему какие бы то ни было санкции, если проводимый им курс не соответствует массовым ожиданиям.

Политологи, как отечественные, так и зарубежные, занимают по отношению к В.Путину позиции прямо противоположные. Некоторые видят в нем офицера КГБ, готового возродить самые жесткие традиции советских времен, потенциального диктатора*. Другие — политика, способного наконец сдвинуть с мертвой точки реформы, приостановленные в последние годы "ельцинского застоя". Третьи считают, что В.Путин был "поставлен во власть" именно для того, чтобы предотвратить саму возможность перемен**.

Мы полагаем, что важен не только (и не столько) вопрос, кто такой В.Путин ("Who is Mr. Putin?"), прозвучавший в Давосе и приведший в замешательство отнюдь не самых ненаходчивых актеров российской политической сцены, сколько — в какой степени В.Путин может отвечать массовым ожиданиям, располагая уже значительными политическими ресурсами. И массовые опросы, и недавно прошедшие выборы показывают, что в настоящий момент В.Путин пользуется относительной поддержкой и доверием большей части населения. Его реальные политические действия практически не оказывают влияния на уровень этого доверия. Массовое сознание творит и судит политические фигуры по своим правилам. Морфологию и семантику этой "народной любви" мы и постараемся проанализировать в данной статье.

Кто голосовал за В.Путина. Сразу же после выборов ряд аналитиков отметил, что в российской политике изменилась основная конфигурация сил***. В годы ельцинского правления линия противостояния проходила между демократами и реформаторами, с одной стороны, и коммунистами и националистами — с другой. Это разделение охватывало основные регионы страны. Его можно было увидеть и на карте. В ходе избирательной кампании 2000 г. этот водораздел сместился. В 1996 г. Г.Зюганов выиграл почти в половине регионов России. В 2000 г. он победил только в четырех. "Красный пояс" исчез с карты.

Если зимой 1996 г. шансы Б.Ельцина быть избранным на пост президента на второй срок казались более, чем проблематичными и понадобилась умело выстроенная предвыборная кампания, в результате которой была создана видимость безальтернативной ситуации (либо реформы с Б.Ельциным, либо возврат в тоталитарное прошлое), то в 2000 г. симпатии избирателей оказались на стороне В.Путина задолго до начала избирательной кампании. По данным ВЦИОМ, две трети избирателей определились со своим выбором кандидата уже к январю 2000 г., т.е. прак-

* См., например: *Hoffman D. Putin's Future Russia May Resemble the Soviet Past // Washington Post. 2000. March 21. P. A17.*

** Мнение высказано Б.Кагарлицким в интервью и будет опубликовано в Интернете ("Transitions On-line").

*** См., например: *McFaul M. Indifferent to Democracy // Washington Post. 2000. March 3. P. A29.*